

Роберт
ХАЙНЛАЙН

ИСТОРИЯ
БУДУЩЕГО

Москва
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
X 12

Robert A. Heinlein

METHUSELAH'S CHILDREN
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein

ORPHANS OF THE SKY
Copyright © 1963 by Robert A. Heinlein

THE PAST THROUGH TOMORROW:
Robert A. Heinlein's Future History Stories
Copyright © 1967 by Robert A. Heinlein

Хайнлайн Р.

X 12 История Будущего / Роберт Хайнлайн ; [пер. с англ. М. Пчелинцева, А. Корженевского]. — М. : Эксмо, 2015. — 832 с. — (Гиганты фантастики).

ISBN 978-5-699-68099-3

Впервые под одной обложкой собраны все романы, повести и рассказы, составляющие самый знаменитый цикл Роберта Хайнлайна — «История Будущего».

Новейшие технологии, покорение Космоса, политические события Грядущего, и вместе с тем — простые и мужественные люди, которые попадают порой в безвыходные ситуации, но благодаря интеллекту и силе духа неизменно выходят победителями. В «Истории Будущего», номинированной на престижную премию «Хьюго» в категории «Лучший цикл всех времен», во всей полноте раскрылись многочисленные грани таланта Роберта Хайнлайна, еще при жизни названного классиком фантастики.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© А. Дмитриев, Д. Старков, С. Логинов, А. Етоев, Ф. Мендельсон,
А. Корженевский, М. Ермашова, И. Оранский, Г. Усова, Ян Юа,
И. Можейко, В.П. Ковалевский, Н.П. Штуцер, А. Тюрин,
Е. Беляева, А. Митюшкина, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-68099-3

ЛИНИЯ ЖИЗНИ¹

Председатель стучал молотком по столу, добиваясь тишины. Свист и крики в зале постепенно затихали — по мере того как добровольные блюстители порядка утихомиривали своих наиболее вспыльчивых коллег. Докладчик, стоявший за кафедрой возле председательского стола, казалось, не замечал, что творилось вокруг. Его мягкое лицо было бесстрастно. Председатель повернулся к докладчику, с трудом сдерживая раздражение.

— Доктор Пинеро, — сказал он, выделив голосом первое слово, — я вынужден извиниться перед вами за недопустимое поведение аудитории во время вашего сообщения. Поражаюсь, как мои коллеги могли настолько забыть о приличествующем ученым достоинстве и позволить себе прерывать докладчика — независимо от того, насколько... — он сделал паузу и пожевал губами, — насколько веским был повод для подобного поведения.

Пинеро ответил ему улыбкой, которую легко можно было бы считать откровенно оскорбительной. Председатель опять сдержался и продолжал с видимым усилием:

— Моя обязанность — следить за соответствием программы нашего собрания регламенту. Поэтому я хочу, чтобы вы закончили свое сообщение. В то же время я вынужден попросить вас воздержаться от осквернения наших умов идеями, ложность которых самоочевидна для всякого образованного человека. Будьте любезны ограничиться сообщением о своем открытии, если таковое действительно существует.

— Но как же я смогу внушить вам новую идею, не очистив предварительно ваши мозги от старых заблуждений? — Пинеро театрально воздел свои пухлые белые руки.

Аудитория вновь ожила и глухо зароптала. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Гнать этого шарлатана! Довольно!

Председатель опять постучал молотком:

¹ © А. Дмитриев, перевод

— Джентльмены! Прошу вас! — и обратился к Пинеро: — Должен ли я напомнить, что вы не являетесь членом данного сообщества и вас сюда никто не приглашал?

Пинеро удивленно приподнял брови:

— Да ну? Помнится, я держал в руках некое приглашение на бланке Академии...

— Верно, — председатель снова пожевал губами. — Я сам направил вам это приглашение. Но исключительно уступая желаниям одного из наших попечителей, прекрасного человека, проникнутого искренней заботой о благе общества, но отнюдь не ученого, не члена Академии.

Пинеро улыбнулся — все той же раздражающей улыбкой:

— Вот как? Мне следовало бы догадаться... Старина Бидуэлл, не правда ли? «Смешанное страхование жизни»? Конечно же, он жаждет, чтобы его дрессированные тюлени выставили меня шарлатаном. Ведь если я смогу назвать человеку день его смерти, никто не станет выкладывать Бидуэллу денежки даже за самые распрекрасные страховые полисы. Только как же вы разоблачите меня, если не хотите даже выслушать? Впрочем, поскольку весьма сомнительно, что у вас хватит ума понять меня, Бидуэлл, похоже, натравил шакалов на льва.

И Пинеро хладнокровно повернулся к залу спиной, не обращая ни малейшего внимания на ропот, из гневного превратившийся в злоеший. Председатель безнадежно призывал к порядку. В первом ряду поднялась фигура:

— Господин председатель!

Председатель решил не упустить шанса и прокричал:

— Джентльмены! Слово предоставляется доктору Ван-Рейнсмитту! Гомон в зале мало-помалу прекратился.

Доктор откашлялся, поправил свою роскошную белокурую прическу и засунул руку в карман элегантных брюк, приняв обычный для него вид неперемennого участника заседаний дамских благотворительных обществ.

— Господин председатель, господа члены Академии наук, призываю вас проявить терпимость. Даже убийца имеет право на последнее слово, перед тем как суд вынесет свой приговор. Так можем ли мы поступить иначе? И пусть кто-то из вас уже вынес в уме свой вердикт, лично я готов проявить к доктору Пинеро то же внимание, с каким наше высокое собрание отнеслось бы к любому коллеге, не являющемуся членом нашего сообщества, даже в том случае — он отвесил доктору Пинеро легкий поклон, — если мы не слишком хорошо знаем университет, присвоивший ему ученую степень. Если то, что докладчик собирается нам сказать, неверно, — чем это может нам повредить? Если же его идеи верны, нам следует знать их. — Его мягкий, хорошо поставленный голос лился, умиротворяя и успокаивая. — Если манеры досточтимого

доктора не отличаются, на наш взгляд, чрезмерным изяществом, мы должны понимать, что уважаемый докладчик мог прибыть из тех мест или представлять такой круг общества, где подобным пустякам не придают особого значения. Наш добрый друг и попечитель попросил нас выслушать этого человека и по достоинству оценить его изобретение. Так давайте же соблюдать объективность и приличия.

Доктор Ван-Рейнсмитт сел под аплодисменты, удовлетворенный тем, что вновь укрепил свою репутацию лидера. Завтрашние газеты не преминут отметить здравый смысл и личное обаяние «самого красивого в Америке президента университета». И кто знает, не раскошелится ли наконец старик Бидуэлл на постройку университетского плавательного бассейна?..

Когда аплодисменты утихли, председатель повернулся туда, где стоял, сложив руки на круглом брюшке, безмятежный возмутитель спокойствия.

— Вы продолжите, доктор Пинеро?

— Зачем?

Председатель пожал плечами:

— Вы для этого и пришли.

— Верно. Очень даже верно. Но было ли это разумно — приходить сюда? Найдется ли здесь хоть один человек, способный открыто взглянуть в лицо голому факту и не смутиться при этом? Полагаю, что нет. Даже этот столь великолепный джентльмен, убедительно рекомендовавший вам выслушать меня, даже он уже осудил меня в душе и вынес окончательный приговор. Он искал порядка, а не истины. Но если истина бросает вызов порядку — примет ли он истину? Нет, не примет! Тем не менее, если я не стану продолжать, вы победите меня потому уже, что я отказался от борьбы. И маленький человек с улицы посчитает, что вы, маленькие люди, изблещили меня, Пинеро, как мошенника. Это меня не устраивает. Я буду говорить. Еще раз поясню свое открытие. Попросту говоря, я нашел метод, позволяющий определить продолжительность человеческой жизни. Я могу авансом предъявить вам счет Ангела Смерти. Я могу сказать, когда Черный Верблюд преклонит колени у ваших дверей. За пять минут с помощью своего аппарата я могу узнать, сколько песчинок осталось в часах, отмеряющих вашу жизнь.

Он замолк, скрестив руки на груди. Некоторое время никто в зале не проронил ни слова.

— Вы ведь не закончили, доктор Пинеро? — спросил председатель.

— А что еще говорить?

— Вы не рассказали, как именно вы этого добиваетесь.

Брови доктора Пинеро взлетели вверх.

— Вы думаете, я доверю плоды трудов своих детям, которые будут забавляться ими? Это весьма опасное знание, друг мой. И я храню его для единственного человека, который понимает это, — он ударил себя в грудь, — для самого себя.

— Но как же мы узнаем, что за вашими словами стоит реальность, а не только нелепые заявления?

— Очень просто. Вы образуете комиссию, которая будет присутствовать при демонстрации изобретения. Если мой метод сработает — прекрасно, вы примете его и объявите об этом всему миру. Если же нет — я буду дискредитирован и принесу вам извинения. Я, Пинеро, извинюсь перед вами!

В задних рядах поднялся тощий, сутулый человек:

— Господин председатель, как может уважаемый доктор предлагать нам такое? Неужели он рассчитывает, что мы двадцать или тридцать лет будем ждать чьей-то смерти, чтобы убедиться в обоснованности его предсказаний?

Игнорируя председателя, Пинеро ответил непосредственно спрашивавшему:

— Фи! Что за чепуха! Неужели вы настолько невежественны в статистике, что не знаете: в любой достаточно большой группе найдется по крайней мере один человек, которому предстоит умереть в ближайшем будущем? Я предлагаю обследовать каждого из присутствующих, и я назову человека, который умрет в течение двух недель, назову день и час его смерти. — Он свирепо оглядел аудиторию. — Вы согласны?

Поднялся дородный человек и размеренно заговорил:

— Что до меня, то я не могу одобрить подобного эксперимента. Будучи медиком, я с прискорбием замечаю явные признаки серьезных сердечных заболеваний у многих из наших старших коллег. Если доктор Пинеро также знает эти симптомы, что вполне возможно, и если он изберет свою жертву из их числа, названный им человек может умереть к назначенному сроку независимо от того, работает машинка нашего выдающегося докладчика или нет.

Его поддержал другой оратор:

— Доктор Шепард прав. Зачем тратить время на эти ведьмины игры? Я убежден, что субъект, именующий себя доктором Пинеро, хочет использовать нас, чтобы придать вес своим заявлениям. Участвуя в этом, мы лишь играем ему на руку. Не знаю, какими махинациями он занимается, но мы ему нужны для рекламы. И потому я предлагаю, господин председатель, перейти к следующему пункту регламента.

Предложение было принято одобрительным шумом, но Пинеро и не думал сдаваться. Сквозь возгласы: «К порядку! К порядку!» — он, потрясая своей неопрятной гривой, кричал:

— Варвары! Болваны! Бестолочи! Такие, как вы, испокон веков не признавали ни единого великого открытия! Из-за вашей компании невежд Галилей вертится в гробу! Вон тот жирный дурак, играющий клубным значком, он что, смеет называть себя медиком? «Знахарь» — было бы точнее! А вы, лысый коротышка, — да, да, вы! — вы называете себя философом и рассуждаете о временах и нравах, аккуратно раскладывая их по полочкам. Что вы знаете о жизни? О времени? Как вы можете надеяться понять их, если не хотите познать истину, когда вам выпал шанс? Ха! — он плюнул на пол. — И вы называетесь Академией наук! Да вы сборище гробовщиков, бальзамирующих идеи ваших энергичных предшественников!

Он остановился, чтобы набрать в грудь воздуха, и в этот момент его подхватили с двух сторон под руки и уволокли за кулисы. Из-за стола прессы поспешно поднялись несколько репортеров и последовали за ним. Председатель объявил перерыв.

Газетчики перехватили Пинеро, когда он шагал легкой, пружинящей походкой, насвистывая какой-то легкомысленный мотив. В нем не было и следа воинственности, которую он недавно демонстрировал. Репортеры окружили его:

— Как насчет интервью, док?

— Ваши взгляды на современное образование?

— Ну и всыпали же вы им! Что вы думаете о жизни после смерти?

— Снимите шляпу, док, сейчас вылетит птичка!

Он улыбнулся всем сразу:

— По одному, ребята, и не так быстро. Я сам был газетчиком. Как насчет того, чтобы заглянуть ко мне? Там и поговорим.

Уже через несколько минут они пытались отыскать себе место в неприбранной комнате, служившей Пинеро и гостиной, и спальней; кое-как рассевшись, все задымили сигарами. Пинеро одарил гостей лущезарной улыбкой:

— Что будем пить, ребята? Скотч, бурбон? Управившись с напитками, он приступил к делу:

— Итак, ребята, что вас интересует?

— Выкладываете начистоту, док, есть у вас там что-то или нет?

— Кое-что есть, мой юный друг, несомненно, есть.

— Вот и расскажите, как оно работает. На той ерунде, которую вы городили этим яйцеголовым, с нами вы недалеко уйдете.

— Ну-ну, мой дорогой друг. Это мое изобретение. И я хочу с его помощью немного подзаработать. Что же вы думаете, я так и стану рассказывать о нем первому встречному?

— Послушайте, док, если вы хотите попасть в утренние газеты, вы должны дать нам хоть что-то, за что можно было бы уцепиться. Чем вы пользуетесь? Магическим кристаллом?

— Не совсем. Впрочем, не хотите ли взглянуть на мой аппарат?

— Охотно! Это деловой разговор. Пинеро проводил их в соседнюю комнату.

— Вот он, ребята.

Представшее их взорам нагромождение аппаратуры отдаленно напоминало оборудование рентгеновского кабинета. Но с первого взгляда можно было сказать лишь, что использовалась здесь электроэнергия, а некоторые шкалы имели знакомую градуировку; обо всем остальном судить было невозможно — даже о назначении установки.

— На каком принципе эта штукавина работает, док?

Пинеро поджал губы и задумался.

— Вы все, несомненно, знаете, что жизнь имеет электрическую природу. Это триумф. Он, конечно, гроша ломаного не стоит, но поможет вам понять принцип. Вы также слышали, вероятно, что время — это четвертое измерение пространства. Хотите — верьте, хотите — нет, об этом твердили на каждом углу, и в итоге тезис потерял всякий смысл, превратившись в штамп, которым болтуны пытаются поразить воображение болванов. Но попробуйте сейчас мысленно представить себе это, ощутите эмоционально. — Он подошел к одному из репортеров. — Возьмем, например, вас. Вас зовут Роджерс, не правда ли? Очень хорошо, Роджерс. Так вот, вы являетесь пространственно-временным объектом, имеющим протяженность в четырех измерениях. Вы почти шести футов в высоту, около двадцати дюймов в ширину и дюймов десять в глубину. Во времени за вами простирается значительная часть пространственно-временного объекта, берущего начало примерно в 1916 году. То, что мы видим сейчас, — поперечный срез этого объекта, сделанный перпендикулярно временной оси и имеющий определенное сечение. На одном конце объекта — младенец, пахнущий кислым молоком и срыгивающий завтрак на слюнявчик. На другом — в восьмидесятых, вероятно, — находится почти старик. Представьте себе этот пространственно-временной объект, именуемый Роджерсом, в виде длинного розового червя, протянувшегося сквозь годы; один его конец во чреве матери, а другой — в могиле. Он тянется здесь, мимо нас, и его поперечное сечение видится нам одним дискретным телом. Но это иллюзия: существует лишь физическая непрерывность розового червя, тянущегося сквозь годы. С этой точки зрения существует и физическая непрерывность народа в целом, ибо одни розовые черви ответвляются от других; в этом смысле народ похож на виноградную лозу, плети которой переплетаются и дают все новые побеги. И мы считаем срезы индивидуальными лишь потому, что воспринимаем только поперечные сечения.

Он остановился и оглядел репортеров. Один из них, деловой мрачный парень, поинтересовался:

— Все это прекрасно, Пинеро, если, конечно, правда! Но что же дальше?

Пинеро одарил его всепрощающей улыбкой:

— Терпение, друг мой. Я просил вас представить себе жизнь как явление электрическое. Вот и подумайте о нашем длинном розовом черве как об электрическом проводнике. Вы, возможно, слышали, что инженеры-электрики с помощью специальных приборов могут с берега определить место обрыва трансатлантического кабеля? Вот и я делаю то же самое с нашим червем. Подключая определенным образом свои приборы к находящемуся здесь, в этой комнате, поперечному сечению, я могу предсказать, где произойдет обрыв, иначе говоря — когда наступит смерть. А если хотите, я могу переменить знаки в соединении цепей и назвать точную дату вашего рождения. Однако это неинтересно — вы и так ее знаете.

Мрачный репортер ухмыльнулся:

— Вот вы и попались, док! Если то, что вы говорили о народе как о лозе из розовых червей, правда, то вы не сможете назвать даты рождения, потому что связь с народом продолжается и через момент рождения отдельного человека.

Пинеро расцвел:

— Абсолютно точно, друг мой, и очень разумно. Но вы слишком буквально поняли метафору. Мои измерения производятся все-таки не так, как лоцируется длина электрического проводника. В каком-то смысле моя работа похожа на измерение протяженности длинного коридора при помощи эхолокатора. В момент рождения коридор делает характерный поворот, и, соответственно настроив свои приборы, я могу уловить эхо, отраженное этим поворотом. Есть лишь один случай, когда я не могу получить надежного результата: невозможно отделить линию жизни женщины от линии еще не родившегося ребенка, которого она носит во чреве.

— Ну а теперь покажите, как это делается!

— С удовольствием, дорогой мой. Вы согласны подвергнуться проверке?

— Что, Люк, попался? — съехидничал кто-то из репортеров. — Или соглашайся, или заткнись!

— А я отнюдь не прочь. Что я должен делать?

— Прежде всего напишите на листке дату вашего рождения и передайте кому-нибудь из коллег.

Люк выполнил указание.

— И что теперь?

— Разденьтесь и встаньте на эти весы. Скажите, вы когда-нибудь резко худели? Толстели? Сколько вы весили при рождении? Десять фунтов? Отличный крепкий мальчик. Теперь таких крепышей уже не бывает.

— К чему вся эта болтовня?

— Я стараюсь приблизительно оценить среднее поперечное сечение вашего длинного розового проводника, дорогой мой Люк. А теперь — не хотите ли сесть вот сюда? Этот электрод возьмите в рот. Ток вам не ударит, не беспокойтесь, напряжение очень низкое, меньше одного микровольта, а мне нужен хороший контакт.

Доктор отошел от Люка и направился за аппарат. Прежде чем взяться за рукоятки управления, он набросил на голову накидку. Некоторые из оставшихся открытыми циферблатов ожили, машина басовито загудела. Потом гудение смолкло, и Пинеро объявил:

— У меня получился один из дней февраля двенадцатого года. У кого листок с датой?

Листок был извлечен на свет и развернут. Державший его прочел:

— Двадцать второе февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

В наступившей тишине откуда-то сбоку прозвучал голос:

— Док, могу я выпить еще виски?

Напряжение спало, все заговорили наперебой:

— Проверьте меня, док!

— Сначала меня. Я сирота и хочу знать...

— И правда, док, устройте нам небольшое показательное шоу!

Пинеро, беспрестанно улыбаясь, исполнял все просьбы, ныряя под накидку, словно суслик в норку. Когда у каждого оказалось в руках по два листка, подтверждающих безошибочность ответов доктора, наступило долгое молчание, прерванное Люком:

— Как насчет предсказания дня смерти, Пинеро? Может, покажете нам и это?

— Как угодно. Кто хочет попробовать?

Ответа не последовало. Кое-кто стал выталкивать вперед Люка.

— Ну-ка, ну-ка, умник, давай. Сам ведь напросился.

Тот дал усадить себя в кресло. Пинеро щелкнул несколькими переключателями, потом нырнул под накидку. Когда гудение смолкло, он вновь предстал перед репортерами, довольно потирая руки.

— Ну вот и все, что я хотел вам продемонстрировать, ребята. Хватит вам для репортажа?

— Эй, а где же предсказание? Когда Люк получит свою «тридцатку»?

— Мне очень жаль, но я должен отказаться. Я согласился продемонстрировать вам работу своего аппарата, а не оглашать результат.

Люк затоптал окурки.

— Сплошное надувательство, ребята. Он, похоже, вызнал возраст каждого репортера в городе, чтобы подготовиться к нашей встрече. Это не стоит и стертого медяка, Пинеро!

Пинеро печально посмотрел на него:

— Вы женаты, друг мой?

— Нет.

— Есть у вас кто-нибудь на иждивении? Какой-нибудь родственник?

— Нет, а что случилось? Вы хотите меня усыновить?

Пинеро грустно покачал головой:

— Мне искренне жаль вас, дорогой мой Люк. Вы не доживете до завтрашнего дня.

«Ученое собрание оборачивается скандалом»

«Компостер смерти на ваших табельных часах»

«Журналист умирает по предсказанию доктора»

«Мошенничество, – утверждает Ученый Совет»

«Дипломированные дураки, – парирует профессор»

«...через двадцать минут после необыкновенного предсказания Пинеро репортер Тиммонс, шедший по Бродвею к редакции «Дейли Геральд», в которой он сотрудничал, был сбит с ног упавшей вывеской и скончался. Доктор Пинеро отказался комментировать происшедшее, но подтвердил, что предсказал смерть Тиммонса при помощи своего так называемого хроновитаметра. Начальник полиции Рой...»

«Беспокоит ли вас ваше будущее???»

Не выбрасывайте деньги на гадалок – обращайтесь к доктору Хьюго Пинеро, биоконсультанту, который при помощи непогрешимых методов науки поможет вам спланировать будущее.

Никакого мошенничества.

Никаких «посланий духов». Наши предсказания обеспечены обязательством на 10 000 долларов, помещенных в банк.

Перспект высылается по первому требованию.

«Песочные часы жизни, Инкорпорейтед».

Мажестик Билдинг, №700».

«Юридическое уведомление. Выражаю свое почтение всем, к кому относится нижеследующее: я, Джон Кэбот Уинтроп III, совладелец адвокатской конторы «Уинтроп, Уинтроп, Дитмерс и Уинтроп», подтверждаю, что Хьюго Пинеро, житель этого города, передал мне десять тысяч долларов в подлинных банкнотах Соединенных Штатов и поручил поместить их на сохранение в выбранный мною банк со следующими инструкциями.

Вся указанная сумма является залоговой и должна быть немедленно выплачена первому клиенту Хьюго Пинеро (и/или «Песочные часы жизни, Инкорпорейтед», фактическая продолжительность жизни которого превысит предсказанную Хьюго Пинеро на один процент, или наследникам первого клиента, который не доживет до предсказанного возраста на ту же величину.

Я подтверждаю далее, что сегодня поместил указанную залоговую сумму вместе с вышеупомянутыми инструкциями в беспристрастный Первый Национальный Банк этого города.

Подписано и заверено:

Джон Кэбот Уилтрон III.

Подписано и заверено в моем присутствии

во 2-й день апреля 1951 года.

Альберт М. Свенсон, нотариус графства и штата.

Мои полномочия действительны до 17 июня 1951 года».

«Добрый вечер, уважаемые радиослушатели. Экстренное сообщение! Хьюго Пинеро, Маг и Волшебник из Ниоткуда, сделал свое тысячное предсказание дня смерти, и никто еще не востребовал залоговую сумму, помещенную им в банк на случай своей возможной ошибки. Учитывая, что уже тринадцать его клиентов мертвы, можно считать математически доказанным, что он обладает прямой связью с главной конторой костлявой старухи с косой. Впрочем, что до меня, то мне не хотелось бы знать о своей смерти до того, как она произойдет. И потому ваш корреспондент, освещающий события по стране, никогда не станет клиентом пророка Пинеро...»

Баритон судьи холодным ветром ворвался в спертый воздух зала суда:

— Будьте любезны, мистер Уимс, давайте вернемся к истокам. Суд удовлетворил вашу просьбу о временном прекращении деятельности ответчика, а теперь вы просите, чтобы это ограничение стало постоянным. Доктор Пинеро счел ваши аргументы недостаточно вескими и попросил, чтобы судебный запрет был отменен, а также чтобы я обязал вашего клиента оставить попытки вмешиваться в то, что Пинеро именует обыкновенным законным бизнесом. Поскольку вы обращаетесь не к присяжным, будьте любезны оставить риторику и объяснить мне простым языком, почему я не могу удовлетворить его просьбу.

Мистер Уимс нервно дернул головой, проведя своим дряблым серым вторым подбородком по кромке высокого воротничка и продолжил:

— С позволения высокого суда я представляю здесь общественность...

— Минуточку. Мне казалось, что вы выступаете от имени «Смешанного страхования жизни»...

— Формально да, ваша честь. Но я представляю также и несколько других основных страховых, фидуциарных и финансовых учреждений, а значит, большинство населения, которое является держателем акций и обладателем полисов. Таким образом, мы считаем, что кос-

венно защищаем интересы всего населения — неорганизованного, безмолвствующего и беззащитного.

— Мне казалось, что интересы общественности представляю здесь я, — сухо заметил судья. — Боюсь, что должен буду рассматривать вас как представителя формального клиента. Но продолжайте; каковы ваши доводы?

Пожилой барристер безуспешно попытался проглотить кадык и продолжил:

— Ваша честь, мы утверждаем, что существует две независимые причины, требующие превратить этот запрет в постоянный; больше того, любой из этих причин было бы достаточно. Во-первых, этот человек занимается пророчеством, то есть деятельностью, запрещенной как общим законом, так и специальным юридическим актом. Он — обыкновенный прорицатель, мошенник и шарлатан, наживающийся на доверчивости публики. Он, конечно, хитроумнее простой цыганки, предсказывающей судьбу по руке, астролога и медиума, но как раз потому и более опасен. Пытаясь ввести всех в заблуждение, он ссылается на современные научные методы, чтобы придать своим «чудесам» не принадлежащий им по праву авторитет. Мы пригласили в суд выдающихся ученых, академиков, которые со знанием дела могут засвидетельствовать нелепость его притязаний. Во-вторых, даже если утверждения этого человека справедливы — допустим ради дискуссии такое абсурдное предположение, — мистер Уимс позволил своим тонким губам растянуться в чуть заметной усмешке, — мы убеждены, что его деятельность противозаконна, противоречит общественным интересам вообще и наносит ущерб моим клиентам в частности. Мы готовы привести многочисленные юридически формальные доказательства того, что этот человек опубликовал или дал повод к публикации различных высказываний, убеждающих публику обходиться без необходимых преимуществ страхования жизни, нанося тем самым серьезный ущерб как ее благополучию, так и финансовому положению моего клиента.

Пинеро встал со своего места.

— Ваша честь, могу я сказать несколько слов?

— Что именно?

— Я считаю, что могу упростить ситуацию, если мне позволят провести короткий анализ.

— Ваша честь, — прервал его Уимс, — это абсолютно противоречит правилам.

— Терпение, мистер Уимс. Ваши интересы будут соблюдены. Помоему, в этом деле нам нужно больше ясности и меньше шума. Если доктор Пинеро в состоянии сократить процедуру, выступив на этой стадии, я склонен разрешить ему это. Продолжайте, доктор Пинеро.